ЭССЕ

Пирожкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и журналистики, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, e-mail: ruslit.msu@yandex.ru

СЕМЕЙСТВО АКСАКОВЫХ ДО И ПОСЛЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

В статье воссоздана хозяйственная жизнь семьи писателя С.Т. Аксакова в дореформенное и послереформенное время. Окружающие считали Аксаковых людьми благополучными в материальном отношении, даже богатыми, что не соответствовало действительности и что подтверждено в нашей статье семейной перепиской. Трудные обстоятельства жизни приучили всех членов семейства к бережливости, к уважительному отношению к деньгам, добытым трудом крепостных крестьян. Все Аксаковы были сторонниками отмены крепостного права, хотя реформа принесла им сокращение доходов наполовину и в конце концов привела к продаже купленного в 1843 г. имения под Москвой – Абрамцева, приобретенного купцом С.И. Мамонтовым. Переход дворянской собственности в руки представителей «третьего сословия» – типичная ситуация для послереформенной России

Ключевые слова: *хозяйство, имение, доход, освобождение крестьян, Аксаковы.*

Tatiana F. Pirozhkova, Doctor of Philology, Professor at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ruslit.msu@yandex.ru

THE AKSAKOV FAMILY BEFORE AND AFTER THE PEASANT REFORM

The article recreates the economic life of writer S.T. Aksakov's family in the pre-reform and post-reform time. The people around them considered the Aksakovs to be a well-to-do and even rich family, which was not true and which is confirmed in our article by family correspondence. Difficult life circumstances taught all family members to be thrifty and respectful to the money earned with the labor of serfs. All the Aksakovs were supporters of the abolition of serfdom, although the reform brought them a reduction in income by half and eventually led to the sale of the estate near Moscow that had been bought in 1843 – Abramtsevo, acquired by merchant S.I. Mamontov. The transfer of the noble property to the representatives of the "third estate" is a typical situation for post-reform Russia.

Key words: *household, estate, income, liberation of peasants, the Aksakovs.*

1861 г. – год отмены крепостного права – резко изменил жизнь России на «до реформы» и «после реформы». Уже в следующем году в письме к Ю.Ф. Самарину И.С. Аксаков сообщал, что как на дрожжах «из-под земли растет какая-то новая Россия» – буржуазная, с которой он впервые тесно познакомился во время своей командировки в Ярославль (1849–1851). Связи с тамошними купцами были такими крепкими, что они предлагали Аксакову бумагу для издания «Московского сборника» 1852 г., а он приглашал их к сотрудничеству. Газета «Москва» (1867–1868), редактируемая Аксаковым, издавалась на деньги московских купцов. Крестьянская реформа привела к финансовому банкротству дворян среднего достатка, доходы которых сократились вдвое. Но были и существенные причины – неумение и нежелание вести хозяйство, как в случае с Аксаковыми. Неизбежным следствием такого положения явилась продажа в 1870 г. аксаковского имения Абрамцево купцу С.И. Морозову.

Семья Аксаковых в 1840–1850-е гг. XIX в. была центром притяжения для многих москвичей: хозяин дома С.Т. Аксаков славился радушием и хлебосольством, и многочисленным гостям, навещавшим семейство в предреформенное время (писатель умер в 1859 г.), казалось, что Сергей Тимофеевич очень богат, живет на широкую ногу. И.И. Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» с удивлением писал о большом столе в доме Аксаковых, накрываемом на двадцать кувертов[1]. Родственник Аксаковых художник К.А. Трутовский вспоминал, что гостеприимство семьи было «беспредельное», «чуть ли не каждой дочери готовились особенные кушанья»[2]. Неискушенный читатель может подумать, что члены семьи – люди изысканные, капризные, прихотливые. Вероятно, отзывы современников впечатлили и некоторых исследователей, посчитавших Аксаковых «состоятельной помещичьей семьей» (Елизаветина, 1983: 7).

Однако подобное мнение грешит очень большим преувеличением. Двадцать приборов на столе, поразившие Панаева, легко объяснимы: семья большая, тринадцать детей, из которых до взрослого возраста дожили четыре сына и шесть дочерей. Кроме того, с 1840 г. после смерти матери у Аксаковых воспитывалась племянница хозяйки Ольги Семеновны – С.А. Самбурская. Зиму в Москве обыкновенно проводили два брата писателя – Николай и Аркадий, последний тоже имел немалое потомство. Добавьте к этому очень широкий круг общения Сергея Тимофеевича — театрально-писа-

тельский (М.Н. Загоскин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Н.Ф. Павлов) и профессорский (Н.И. Надеждин, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Т.Н. Грановский, А.О. Армфельд), а также славянофильское окружение его старшего сына Константина (А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, Иван и Петр Киреевские, В.А. Панов, Д.А. Валуев, Свербеевы) — и получится стол, сервированный ежедневно на двадцать персон. Даже сорок приборов на столе не вызовут удивления, если вспомнить, что после публичных лекций Грановского и Шевырева в Московском университете (зима 1844 и 1845 гг.) знакомые имели обыкновение ехать на обед не к кому-нибудь, а к С.Т. Аксакову.

И с кушаньями для дочерей тоже нет ничего загадочного. Дочь Ольга с 22-летнего возраста страдала тяжелым нервным заболеванием, лечивший ее знаменитый доктор А.И. Овер разрешал ее кормить только виноградом и мороженым (даже вода вызывала неимоверные муки); старшая дочь Вера, будучи религиозной до экзальтации, строго соблюдала посты, для тех дочерей, которые пост не держали, готовилась скоромная еда. Так, не будучи гурманами, сидевшие за столом ели разное.

И впечатление о полной материальной обеспеченности семьи, сложившееся у современников, тоже ложное, далекое от истины. Аксаков не был богат — семьсот душ в Симбирской и Оренбургской губерниях. По тогдашним меркам это помещик среднего достатка, но чуть-чуть выше среднего уровня. Для безбедной жизни надо было иметь несколько тысяч крестьян. Славянофил Кошелёв имел, к примеру, около шести тысяч душ. Труд крепостных — единственный источник доходов семьи, в 1838 г. Сергей Тимофеевич оставил службу; со второй половины 1840-х годов достаток несколько увеличился за счет продажи книг писателя.

Но с 1840-х гг. имения Сергея Тимофеевича заложены в Опекунском совете, и стесненные денежные обстоятельства, поиски денег для взносов — одна из важнейших тем семейной переписки. Так, зимой 1851–1852 гг. сын Иван искал деньги для Опекунского совета и огорченно сообщал родным из Москвы в Абрамцево: «Павлов (Н.Ф. Павлов. — *Т.П.*) не дал денег... у него точно сгорела фабрика, он думает строить новую...»; знакомые семьи сестры Занден «пришли в ужас», услышав о просьбе дать взаймы 1 000 рублей серебром — могут дать только 100 рублей и на короткий срок — Иван оскорблено отказался от такой «малости». Только друг Сергея Тимофеевича Н.П. Годеин (Годейн) выдал 800 рублей серебром[3]. Спас Аксаковых в то время А.И. Кошелёв, дав 3 тысячи

рублей серебром. Деньги для Опекунского совета — дело чрезвычайно серьезное, все время на горизонте маячила фигура станового пристава, который за невыплаченный долг опишет то или другое имение.

Посетители дома Аксаковых об этих материальных обстоятельствах семейства даже не догадывались, но были и те, кто ссужал деньги, выручал Сергея Тимофеевича из нужды.

Гостей впечатляла внушительная дворня Аксаковых — помещичий быт, как бы перенесенный в городские условия. Но многочисленные дворовые нужны для обслуживания немалой семьи. И это для хозяина тоже было внушительной статьей расходов. Если дворовые привезены в город, помещик должен обеспечить их жильем, зимней одеждой (тулуп, шапка, валенки, рукавицы), орудиями труда, выплатить, хоть и небольшое, жалованье повару, прачке, дворнику, кучеру, садовнику и т. д.

Из-за постоянной нехватки денег С.Т. Аксаков не мог приобрести собственный дом в Москве. Все его московские адреса — адреса наемных домов. Для домашних была мука — найти жилище, которое сдавалось бы не на целый год, а на несколько зимних месяцев: семья экономила, летом врач Овер уедет на дачу, значит необходимо для больной Ольги и для остальных снять жилье поблизости. Ольга дожила до сорока лет, и все время на грани жизни и смерти, врачи не давали никакой надежды на выздоровление. Деньги требовались на ее лечение, затем на лечение заболевшей в 1844 г. Веры, потом и самого Сергея Тимофеевича.

Гоголь осенью 1851 г. уговаривал жену Аксакова Ольгу Семеновну снять на зиму большой дом в Москве, чтобы провести зиму вместе, но семья не могла себе позволить не только большой, но и небольшой дом. «Хоть еще бы одну только зиму вы провели в Москве»[4], — просил он, и как больно было вспоминать эти слова после его кончины...

Ведение хозяйства в имениях не вызывало у Сергея Тимофеевича никакого энтузиазма, и хозяйство его образцовым назвать было нельзя. К тому же в деревнях всегда происходило что-то чрезвычайное: то засуха, то дожди, то град побил посевы... И все начинания помещика, как правило, заканчивались неудачно, как, к примеру, продажа хлеба из аксаковских деревень осенью 1849 г. В то время Иван Аксаков, чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел, находился в Ярославской губернии, решено было воспользоваться его пребыванием там — ему и пору-

чили продажу. Хлеб из Надёжина Белебеевского уезда Оренбургской губернии доставили по Волге в Ярославскую, в город Рыбинск, в надежде на выгодную сделку, хотя Иван с самого начала предчувствовал неуспех: цены в Ярославской губернии не поднимались, торговля шла вяло, о чем и сообщил родным: «Конечно, посылать в Рыбинск хлеб, когда можно было на месте получить по рублю за куль, расчет очень плохой»; «...здесь цены гораздо ниже, нежели у нас на месте»; «Мука наша вовсе не лучшая, а потому и ценилась невысоко»[5].

Предпринятое дело оказалось проигрышным, вдобавок при разгрузке оказалось, что в 472 кулях мука «села», т. е. отсырела, и покупщик ее не взял, пришлось отдать хлеб поставщику за подвоз чуть не даром[6].

Рассчитывали за хлеб получить 40 тысяч, Иван продал его за 32 тысячи. А с вычетом издержек за доставку и хранение осталось 27 тысяч[7]. Отсюда и горестный итог, выраженный продавцом с предельной ясностью: «Нам, видно, уж особенное несчастие: надо же было сплавить хлеб в Рыбинск, когда дома не только по расчету, но и за всеми расчетами цены выше»; «Нам в торговых оборотах судьба решительно не благоприятствует»[8].

Чтобы успешно вести хозяйство, надо иметь и желание, и умение – ни тем ни другим Сергей Тимофеевич не обладал. Он любил сельскую жизнь, увлекался охотой, рыбной ловлей, но к постоянной практической деятельности склонности не обнаруживал. Четыре года самостоятельного управления убедили его, что «хорошего хозяина», по его собственным словам, из него не получится. Уехав в 1826 г. на постоянное жительство в Москву, ведение хозяйства доверил управляющему Ивану Семеновичу, который, к счастью семьи, был честным человеком, а не мошенником, складывающим помещичьи деньги в собственный карман.

Помещик появлялся в деревнях изредка: в июне–сентябре 1839 г. посетил Новое Аксаково и Надёжино, летом 1840 г. ездил в деревни с сыном Григорием, летом 1844 г. – один, летом 1851 г. — с сыновьями Константином и Иваном.

Рачительного хозяина из Сергея Тимофеевича не получилось и не могло получиться — он был писателем. Случаются, разумеется, исключения, когда человек может хорошо делать и то и другое («попашет землю, попишет стихи»), как, например, А.С. Хомяков, или А.А. Фет, или Л.Н. Толстой, но это редкие исключения.

Было бы наивностью думать, что все помещики — бездельники, лежащие в халате на диване. Славянофилы Хомяков, Кошелёв, князь Черкасский — очень богатые люди — были в полном смысле тружениками, хозяйство вели сами. Приехав летом 1853 г. в имение Кошелёва Песочню Сапожковского уезда Рязанской губернии, Иван Аксаков удивился тому, что хозяин почти «целый день» отсутствует: в Песочне находились три завода (винокуренный, сахарный, кирпичный), две мельницы, мастерские по ремонту сельскохозяйственных машин (Горнов, 2004: 730).

И друг Кошелёва Хомяков все летнее время делил между своими тульскими и смоленскими имениями. Больше всего разъездов было по Тульской губернии, где он имел несколько сел, где в Обидимо создал — неслыханное дело! — угольные копи, а в Волоти винокуренный завод. В Данкове находился сахарный завод. «Похвалюсь тем, — сообщал он родственникам, – что самые лучшие сахаровары признали превосходство выдуманного мною производства и говорят, что никогда не видали ни таких сиропов, ни такого сахара»[9]. В истории с неудачной продажей хлеба виноват был не Иван, а Сергей Тимофеевич, сделавший неправильные расчеты и отказавшийся признать свою ошибку.

По письмам Хомякова видно, что он не знает покоя: то занят сушилкой для свекловицы, то выращивает искусственный луг; вникает во все тонкости сельских работ — в уборку сена и хлеба, в цены на хлеб, в поставки по винным заводам — одним словом, «забот бездна»[10]. На месте не сидит: «Меня дела заставляют беспрестанно сновать из Рязани в Тулу, из Тулы в Рязань...»; «...я ездил в Донков и Ефремов по делам хозяйственным и провел 12 дней в своей поездке»; «...еду в разные уезды дней на десять. Незабавная поездка при теперешней погоде и дорогах» (на дворе октябрь. — *Т.П.*), но необходимая...»[11]. И умер Хомяков в сентябре 1860 г. в пути — в селе Ивановском Рязанской губернии.

А Самарин вести хозяйство не любил и доверил управление самарскими имениями младшему брату Дмитрию.

Во время своей совместной с отцом и Константином поездки по деревням в 1851 г. Иван Аксаков познакомился с симбирской помещицей Варварой Александровной Блюм, «хозяйкой такой, каких мало», как сообщал в Москву: «Не быть нам никогда такими хозяевами! Она иногда проводит весь день в поле, с 4-х часов утра до 8 вечера...»[12].

А если достаток помещика средний и особых усилий к увеличению состояния он не предпринимает, то и материальные возможности такого землевладельца невелики. Сергей Тимофеевич никогда не был за границей. После его смерти, в 1860 г., заняв деньги в долг, Ольга Семеновна с дочерьми Верой и Любовью отправилась за границу спасать заболевшего Константина — все трое поехали в Европу впервые. Сын Сергея Тимофеевича Михаил учился в Пажеском корпусе на казенном содержании, Григорий и Иван получили превосходное образование в петербургском Училище правоведения (высшее учебное заведение), но тоже на казенный счет. Финансовое положение семьи было настолько неудовлетворительным, что для его поправления Вера однажды собралась в гувернантки, чему решительно воспротивились братья.

Современники, многие из которых считали Сергея Тимофеевича очень обеспеченным человеком, не знали и не могли знать изнанки его домашней жизни, которую приоткрывает, в первую очередь, семейная переписка и семейные документы, вроде Дневника В.С. Аксаковой, который она вела в 1854–1855 и в 1860 гг., — из них мы узнаем много бытовых подробностей жизни семейства.

Вот Иван, находясь на службе в провинции, сообщает родным, что у него износились шейные платочки, которые в те времена носили под сюртуком. Мать семейства, вынужденная беречь деньги, отправляется не в магазин мужских принадлежностей, где эти платочки продаются готовыми, а на распродажу, покупает нужную материю и шьет платочки сама.

Иван, бывший в курсе испытываемых семьей денежных затруднений, живет в провинции на собственное жалованье, но, приученный в семье к бережливости, расходует деньги осмотрительно и родителям в письмах дает обстоятельные отчеты в произведенных тратах.

Письма родным он пишет обычно два раза в неделю, подробнейшие, поэтому очень экономен в расходовании писчей бумаги, пишет убористо, почти без абзацев, заполняя все свободное пространство многочисленными дополнениями, приписками, которые в аксаковской семье называли «бордюрчиками», и чтобы не брать новый чистый лист, иногда по написанному крупными буквами поперек дописывает то, что вспомнилось.

В 1844 г. Иван из Астрахани прислал домой кусок тармаламы, плотной шелковой материи, пригодной, как он полагал, для обив-

ки дивана. В доме долго обсуждали, как ее использовать: ткань дорогая, персидская, обновки в семье редки, – наконец, решили из нее сшить халаты Сергею Тимофеевичу и Константину.

В конце 1840-х гг. из-за нехватки денег Сергей Тимофеевич принял решение: именины и дни рождения в Абрамцеве отмечать без шампанского, с хересом, что очень огорчило Константина. Но на день его рождения, например, 29 марта 1851 г. приехали 22 гостя.

Мелкие бытовые детали, но между тем характеризующие уровень материальной обеспеченности семьи.

Дороговизна московской жизни и наплыв посетителей, отрывавших писателя от литературной работы, явились причиной покупки Аксаковыми в 1843 г. деревеньки Абрамцево в пятидесяти верстах от Москвы.

Быт семьи стал очень походить на народный: хозяин и сын Константин удили в реке Воре рыбу не только для своего удовольствия, но и для прокормления домашних и гостей, с той же целью вся семья собирала в окрестностях грибы, и Сергей Тимофеевич в письмах к Ивану жаловался, что абрамцевские бабы, вставшие, естественно, раньше господ, обижают их — спозаранку выбирают грибы в дубовой роще.

Летом 1854 г. Иван побывал в гостях у Г.П. Галагана, близкого к славянофильскому кругу, друга Ф.В. Чижова — он жил в имении Сокиренцы на Украине. В письме к родным Иван описал и «великолепный замок» с колоннами, и парк в 140 десятин, и чудесный сад («Таких высоких, таких могучих дубов я нигде не видал»; «Есть клен, под которым может поместиться целый батальон»). Сергей Тимофеевич, прочитав этюд об изумительной усадьбе, отвечал, что не желал бы иметь такую, поскольку это слишком величественно и роскошно для него[13]. Писатель не имел никаких барских замашек (как и члены его семьи), в своих привычках был умерен и прост. А его жена совсем неприхотлива: после ранней смерти матери ее воспитывал отец, суворовский генерал, совершенно поспартански.

Братья писателя — Николай и Аркадий — жили в Москве с размахом. Николай Тимофеевич купил собственный особняк, Аркадий Тимофеевич в 1850-е гг. нанял дом из двадцати семи комнат, любил устраивать званые вечера. Но, в отличие от Сергея Тимофеевича, широкого, радушного и нерасчетливого, были людьми прижимистыми, с деньгами расставались неохотно, в долг не давали. Когда в конце 1851 г. Иван искал деньги для взноса в Опекунский

совет, Аркадий Тимофеевич не спешил помочь семье брата: «Арк<адий> Тим<офеевич> о деньгах ни гугу, даже не спрашивает, достал ли я денег»[14].

Цели, которые имел Сергей Тимофеевич при покупке деревеньки, не оправдались. Материальное положение семьи не улучшилось — жить пришлось на два дома: в Москве при Ольге обязательно находился кто-нибудь из членов семьи, и это увеличивало расходы.

Очень скоро выяснилось, что Абрамцево находится «даже слишком близко от Москвы»[15], и пятьдесят верст не препятствие для друзей, знакомых и родственников, которые нескончаемым потоком ехали в деревеньку на берегу Вори.

Ольга Семеновна была душой аксаковского дома — добросердечная, открытая, она как мудрая женщина не стремилась отделить друзей от мужа, придавая еще больше тепла и привлекательности их встречам, но ее радушие, по мнению Сергея Тимофеевича, превышало разумную меру. Вот что писал он Ивану о жене и Константине: «Целый век сердят они меня неуместным и приторным гостеприимством»[16].

Именно он занимался материальной стороной жизни, знал, какой доход и расход у семьи, поэтому и недовольство обилием посетителей встречается в его письмах. Гости прежде всего его отвлекали от литературных занятий, их он именовал «врагами собственного спокойствия» — с 1847 г. писатель активно печатался. Кроме того, в Москве гости приезжали и уезжали, а, добравшись до Абрамцева, оставались на ночлег, некоторые жили по нескольку дней, неделе, даже по две недели, как П.А. Кулиш. Чтобы не скучать в пути, ехали не поодиночке, что видно по дневнику В.С. Аксаковой за 1854–1855 гг.: Погодин с М.С. Щепкиным, А.Ф. Гильфердинг со своим отцом, А.М. Княжевич с женой или с другом А.И. Казначеевым, Ф.И. Васьков с женой, Юрий и Андрей Оболенские и др. «Гости нас одолели... <...> Куда деваться от друзей», — жаловался Сергей Тимофеевич Ивану[17].

Даже приезд родственников порою не радовал. В марте–мае 1850 г. в Абрамцеве гостила жена Григория Софья с дочерью Олей, любимой внучкой Сергея Тимофеевича, затем ожидался приезд отца семейства. Сергей Тимофеевич не скрывал раздражения — нарушался не только ритм его литературной деятельности, но и ритм жизни домашних: «Ты знаешь наше помещение в доме, — писал он Ивану, — знаешь, что мать и теперь не имеет себе угла, и

потому легко себе вообразишь, каково будет стеснение всем во время столь долгого пребывания Сонички. При самых искренних отношениях это было бы тяжело»[18].

Бремя ежедневных хозяйственных хлопот, заботы по приему гостей ложились, в первую очередь, на Ольгу Семеновну (и на старшую дочь Веру), уже пожилую и не очень здоровую женщину. Она уставала: увидев, что в декабре 1854 г. Кулиш приехал к ним один, без жены, незнакомой Аксаковым женщины, которой вдруг захотелось познакомиться с семьей, хозяйка облегчено вздохнула.

Надо сказать, что к московским гостям в Абрамцеве добавились местные: деревня находилась в десяти верстах от Троице-Сергиевой лавры и рядом с Хотьковым монастырем. Поэтому к Аксаковым зачастил Н.П. Гиляров-Платонов, преподаватель Духовной академии в Троице, приезжавший то один, то с женой, очень капризной, которая Аксаковым не нравилась, троицкий доктор Брызгалов с женой и малолетним сыном, священник с женой, соседи Пальчиковы, монахини из Хотькова (несколько человек).

Одним словом, с утра до вечера в доме толпились люди, всем необходимо уделить внимание, накормить, устроить на ночлег.

На зиму 1855–1856 гг. семья сняла дом в Левшинском переулке в Москве, и здесь не было отбоя от посетителей, все повторилось, как и до отъезда в деревню. «Всякий день перебывает у меня человек десять, а сегодня вдруг сошлась дюжина», — сообщал С.Т. Аксаков Погодину; а Вера сделала важное признание в письме к Ивану: в доме «еще суматошнее, нежели бывало прежде», помещение тесное, нет комнаты, где можно было бы отдохнуть домашним[19].

От гостей нет спасения ни в Москве, ни в Абрамцеве, но все любимы, все близкие люди, все не чужие — нельзя сказать, что дом открыт для «званых и не званых», как дом Хомякова, чужих у Аксаковых вообще не принимали: хозяева были строги в выборе знакомых, и двери не раскрывались всем и каждому. Когда весной 1855 г. приехавший из Петербурга А.Н. Майков пожелал познакомиться с Константином и побывать в Абрамцеве, вся семья взволновалась[20] — Аксаковы не желали принимать у себя автора верноподданнических стихотворений, написанных во время Крымской войны. Хомякову пришлось отговаривать Майкова от его намерения, намекнув на способность Константина к неожиданным поступкам: вдруг при появлении незваного гостя войдет «в раж», а вода в Воре очень холодна (дело происходило в апреле).

Не будучи славянофилом, С.Т. Аксаков жил в славянофильской среде, а славянофилы были самыми первыми, самыми усердными поборниками крестьянского освобождения, раньше других осознали вред крепостнических отношений, препятствовавших передовым формам ведения хозяйства, — где брать работников, когда крестьянин буквально «привязан» к собственному помещику?

Именно из славянофильского круга вышли первые ревнители освобождения и первые авторы проектов освобождения крестьян. В 1847 г. Кошелёв предложил министру внутренних дел создать в губерниях комитеты для улучшения быта крестьян — частное лицо предлагает то, что впоследствии сделает правительство, но в 1847 г. министр счел заявление неудобным. В конце 1840-х гг. в речи перед дворянами Рязанской губернии Кошелёв убеждал их не откладывать с освобождением, которое «столько неудобно, сколько и опасно», крестьяне могут выхватить свободу силою — снова опережение государственных мер, поскольку до 1858 г. проблема отмены крепостного права даже не обсуждалась. В 1858 г. он отправил царю и министру внутренних дел собственный проект освобождения крестьян посредством выкупа и с наделением землей – самый смелый среди славянофильских проектов, ответа на который, к сожалению, не получил.

Д.Н. Свербеев в 1846 г. начал работать над «Проектом об упорядочении положения крепостных крестьян и их отношений к помещику» (закончил в 1859 г.).

Князь В.А. Черкасский является автором записки «О лучших средствах к постепенному исходу из крепостного состояния», которая была направлена в правительство в 1857 г.

Повторим, что только в 1858 г. правительство разрешило в печати обсуждать крестьянский вопрос. «При всей безграничности своей власти, — писал историк Б.Н. Чичерин, — Николай не умел провести даже той реформы, которая ближе всего лежала у него к сердцу, — освобождение крестьян. Он чувствовал, что Россия не может оставаться при том необузданном помещичьем праве, которое в то время господствовало у нас»[21]. Основная причина бездействия царя, по мнению историка, это боязнь русского дворянства, которую он испытывал с самого начала своего царствования, совпавшего с восстанием декабристов (1825), и до конца (1855)[22].

Но кое-какие указы все-таки были выпущены, во многом несовершенные, оставшиеся почти без применения, например указ

1842 г. об «обязанных крестьянах», разрешавший помещикам переводить крестьян в вольные хлебопашцы, или указ 1844 г. об освобождении дворовых, поэтому тот, кто хотел освободить крестьян, это сделал. Кошелёв до 1857 г. отпустил на волю более двухсот человек. И Хомяков до реформы стал решать вопросы отмены крепостной зависимости с помощью добровольных сделок с крестьянами. Считая крепостное право «наглым нарушением всех прав», он облегчил участь своих крестьян, переводя их на оброк, а кое-где в деревнях начал обработку земли с помощью наемных рабочих. Когда он в 1860 г. внезапно умер, крестьяне навзрыд оплакивали помещика.

В 1851 г. Кошелёв побывал в Лондоне на Всемирной выставке — на «мирном состязании по делу промышленности» всех народов мира, о которой он рассказал в статье «Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку»[23] (с рисунками выставленных там сельскохозяйственных машин). Кошелёв — первый в России! — ввез жатвенные машины из Европы (Гарретову жнею, Маккормикову жнею), купил плуг Смаля, грабли Смита и др. (всего 13 машин), собирал знакомых и соседних помещиков, чтобы продемонстрировать, как механизмы работают.

Кошелев сам признавался, что «четырнадцать лет носился с освобождением крестьян» и что Хомяков всегда над ним смеялся: «У Кошелева всегда есть конек, которого он до устали заезжает»[24].

Чуткие к последним социальным веяниям, славянофилы опережали время, смотрели в будущее, жили ожиданием грядущих перемен. В такой среде жил Сергей Тимофеевич, очень хорошо знавший, что такое крепостное право. В «Семейной хронике», написанной на основе устных домашних преданий, он мастерски выписал фигуры Степана Михайловича Багрова и Михайлы Максимовича Куролесова, помещиков-крепостников, деспотов, жертвой которых являются и безгласные крестьяне, и домашние — тирания в обществе неизбежно порождает тиранию в семейной жизни.

Дом Аксакова был не только ареной обсуждения назревших общественных вопросов, здесь впервые можно было услышать документы, направляемые в правительство, например проект Кошелёва, а 6 января 1855 г. в Абрамцеве Самарин читал собственный проект крестьянского освобождения (окончил его в следующем году). Вера Аксакова записала в дневнике: «Это еще не кончено, но написано очень умно, местами прекрасно выражено, но приме-

нения к делу кажутся вовсе неудобоисполнимы. — Это самый затруднительный вопрос и вряд ли можно его разрешить на бумаге, но необходимо приготовить к этому неизбежному перевороту, а главное, убедить помещиков добровольно на него согласиться. В настоящую минуту это самый главный и важный вопрос. Теперь ясно становится, что покуда народ не получит глаз и ушей, чтобы понимать, что около него и с ним делается, то никакого возрождения Россия ждать не может, а уши и глаза откроются только тогда, когда будет он освобожден от рабства, парализующего его способности, его жизнь и участие»[25].

Вот к каким выводам приходили слушатели проекта Самарина. Но к этим заключениям Вера пришла и в результате чтения получаемых от Ивана писем. В 1855 г. он квартирмейстер Серпуховской дружины Московского ополчения и не скрывает от семьи народные настроения на юге, очень опасные для общественного спокойствия: «Хоть бы англичанин скорее пришел! ...нам пуще турок свои»[26]. Иван видел прямую связь между поражением России в Крымской войне и остатками ее феодального прошлого; крестьянскую реформу считал «единственным средством» спасения страны.

В 1856 г., побуждая отца к действиям, Иван писал: «Знаете что, милый отесинька, я думаю, право, пора подумать Вам серьезно о наших крестьянах, пора сделать все приуготовительные расчеты, чтобы событие не застало врасплох»[27].

Сергей Тимофеевич, понимая правоту сына, отвечал, что действительно «пора обратить внимание на отношения наши к крестьянам», но резонно приводил свои доводы: «Это надо делать помещику, живущему в деревне, под личным своим надзором, а не заочно»[28].

Староста в Вишенках в Симбирской губернии Федор Шабаев конфликтовал с крестьянами, и надо было кому-то из Аксаковых ехать туда, Сергей Тимофеевич собирался сам, но дряхлел с годами: «Вы с Константином оба не годитесь, ты опаснее даже Константина, что и доказывается твоими словами, что Степ<ан> Мих<айлович> (Багров в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова. — *Т.П.*) теперь бы не годился»[29]. А не годился он потому, что нынешние крестьяне, по наблюдениям Ивана, не такие покорные, как в прежние времена, и Степанов Михайловичей не боятся.

«Опаснее» он был и потому, что с девятнадцати лет служил и жил на получаемое жалованье, самостоятельно, неоднократно за-

являл, что не будет существовать за счет крепостных[30] и их у него никогда не будет (и сдержал слово), хорошо видел, что помещики должны «понести правомерный убыток при эмансипации», поскольку не один век угнетали крестьян, очень удивлялся тому, что брат Григорий в 1849 г. покупает имение, когда впереди коренная перестройка крепостных отношений.

Сергей Тимофеевич присматривался к своим сыновьям, Константину и Ивану, во время их совместной поездки в заволжские деревни летом 1851 г. — она была вызвана безжалостным отношением управляющего Ивана Семеновича к крестьянам, их жалобами на то, что они «беднеют», «им тяжело»[31], и Иван в письме к родным в Москву подтверждал, что это чистая правда. Сергей Тимофеевич дал замечательную характеристику своему ставленнику: «...Он как управитель человек бесценный, но как человек бездушная паровая машина»[32].

Письменное положение из двенадцати пунктов, которое Сергей Тимофеевич оставил в конторе и которое было направлено к ограничению власти управляющего, крестьян, как заметил Иван, совсем не обрадовало: помещик приехал и уехал, а Иван Семенович остался, «пункты» существуют на бумаге, поэтому крестьянами «все милости и решения были приняты довольно сухо»[33].

Сергей Тимофеевич хорошо сознавал, что кратковременные наезды в деревни мало что давали, отказаться от услуг управляющего, старающегося «доставить выгоды помещику»[34], не мог, а впереди ожидались глобальные социальные перемены, и у писателя были основания с тревогой смотреть в будущее: как обеспечить сносную жизнь незамужним дочерям, из которых две (Ольга и Вера) серьезно больны, а остальные тоже крепким здоровьем не отличаются. Сыновья Григорий и Иван стояли на ногах, служили, содержали себя сами, что касается Константина, то Сергей Тимофеевич не надеялся, что он переживет его смерть.

Писатель не дожил до нового устройства крестьянской и помещичьей жизни — умер в апреле 1859 г. С его смертью кончилась жизнь семьи как целого, она распалась, потому что отец являлся в ней главной фигурой. За короткое время ушли из жизни пять его детей: в 1860 г. Константин, в 1861 – Ольга, в 1864 – Вера, в 1867 – Любовь, в 1869 – Надежда.

В его любимом Абрамцеве никому не хотелось жить — слишком свежи были воспоминания о счастливых днях.

Константин, как и отец, не дождался освобождения крестьян (скончался накануне реформы, 7 декабря 1860 г.). Но он дожил до создания Редакционных комиссий по крестьянскому делу, в которых трудились трое славянофилов: Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский, А.Н. Попов. Четыре опубликованных исследователем М.Ф. Маливановым письма К.С. Аксакова к Черкасскому относятся к периоду работы комиссий (1859–1860) и проникнуты его заботой о сохранении общины: «Я же понимаю общину основным жизненным началом, душою народа, и готов отстаивать ее душу от всех врагов, всеми силами, какие у меня есть» (Маливанов, 1995: 212).

К.С. Аксаков, как Хомяков и Кошелёв, опасались излишней регламентации крестьянской жизни, беспокоились, чтобы грядущая реформа не нарушила внутренней жизни крестьянского мира.

И хотя князь Черкасский не принадлежал к числу сторонников общины, но освобождение крестьян произошло так, как того хотели славянофилы и вообще либеральное крыло Редакционных комиссий (Н.А. Милютин, Я.И. Ростовцев и др.) — с сохранением общины и земельного надела. «Крестьянин без земли, что рыба без воды», — говорил Кошелёв.

Однако высказанное в предуведомлении к публикации писем суждение Маливанова — «Своих крестьян Аксаков (К.С. Аксаков. — *Т.П.*) отпустил на волю еще до реформы 1861 г.»[35] — является ошибочным, потому что никаких «своих» крестьян у Константина не было, раздела недвижимости Сергей Тимофеевич не производил, и Константин, ни одного дня нигде не служивший, жил за счет этих крепостных крестьян. Даже невозможно предположить в Константине способности совершать какие-либо практические шаги. Трутовский вспоминал, что он не имел денег и даже не имел о них понятия, оставаясь в обычной жизни «совершенным ребенком»[36].

А между тем деньги требовались: весной 1860 г. Константин заболел (чахотка), возникла необходимость заграничного лечения. И, как обычно, денег у Аксаковых не было. Три тысячи рублей серебром на поездку Константина семья одолжила у А.М. Княжевича, друга Сергея Тимофеевича со времен учения в Казанской гимназии и в Казанском университете.

Гордость не позволяла Ольге Семеновне просить помощи у богатых братьев покойного мужа, а они не предлагали: «...Н<иколай> Тим<офеевич> помнит только свое отчаяние о болезни

Конст<антина> и знает, что надо ехать за границу, и не спросит, есть ли у нас деньги — а ему короче других известно наше положение. Но Бог с ним! я не сержусь...»[37].

Константина очень беспокоило, что его болезнь ввела семью в непомерные расходы. Мать знала, что за границей он будет экономить, и умоляла его не отказывать себе во всем, не жалеть денег на носильщиков, когда нет сил нести чемодан самому: «...умоляю тебя, мой дражайший Конста, не рассчитывать и не лишать себя ничего, знаю и без того, что ты не размотаешь; помни, что ты поехал с тем, чтобы беречь свое здоровье, а не деньги; деньги всегда придут и должны придти, прошу тебя, друг мой, не думай об их сбережении...»[38].

Деньги на поездку к Константину за границу матери и сестер семья собирала, как говорится, «с миру по нитке».

Из родственников помощь предложила сестра Сергея Тимофеевича Н.Т. Карташевская, вдова, как и Ольга Семеновна, тоже оставшаяся с многочисленными детьми, и Ольга Семеновна благородно отказалась: «...она сама в крайности, но взяла с меня слово, что я стану обращаться сама к ней в крайности, и она делиться будет со мной...»[39].

Помогли снова не богатые братья, а друзья. Об этом — в письмах Ольги Семеновны: «Самарин вчера привез 500 р<ублей>, не так, как Николай Т<имофеевич>, который ждет унизительных просьб»[40]. Е.А. Свербеева предложила тысячу рублей: «Это очень деликатно с ее стороны, без всякого с моей стороны виду или просьбы насчет денег...»[41].

Григорий осенью 1860 г. торопился продать пшеницу, чтобы были деньги на поездку, Ольга Семеновна спешно распродала лошадей, оставив только пару для выезда[42]. Экономили каждую копейку, за границу отправились со своими чаем и кофе[43]. Переживали, что забыли какао в доме Карташевских в Петербурге.

Но Константина спасти не удалось — возвращались в Россию с гробом...

Все Аксаковы, кроме Сергея Тимофеевича и Константина, дожили до великого исторического дня освобождения крестьян. Иван 6 марта 1861 г. присутствовал на оглашении царского манифеста в Успенском соборе в Москве: «Минута была торжественная, у всех захватило дыхание, у многих навернулись на глаза слезы. Я живо вызвал в воображении образы умерших и как будто слушал вместе с ними»[44]. Подробно свои чувства он описал в письме к Самарину[45].

После службы славянофилы (Иван Аксаков, Чижов) отправились обедать к Кошелёву, выпили за освобождение. После кончины Николая I они тоже (но в бóльшем составе) собирались в доме Кошелёва, пили за здоровье нового императора и желали, чтобы освобождение произошло в его царствование[46]. И вот — свершилось!

Сергей Тимофеевич справедливо полагал, что реформа не будет безобидной и безболезненной для помещиков: она «ударила», в первую очередь, по помещикам среднего достатка, к которым он относился, сократив их доходы наполовину.

После реформы аксаковскими имениями распоряжался Григорий, а не Иван: «...я не пользуюсь ни у маменьки, ни у сестер ни малейшим авторитетом в вопросах хозяйственных, и потому вовсе не путаюсь в хозяйство»[47]. Однако иногда приходилось «путаться»: так, летом 1872 г. ездил на месяц за Волгу, о чем сообщил княгине Е.А. Черкасской: «Хозяйничал я недолго, убедился собственными глазами, что управляющий не обманывает и что у нас за Волгой точно засуха, точно неурожай яровых и трав, — и с таким утешительным выводом поплыл на пароходе в обратный путь чрез Саратов»[48]. Но это были единичные выезды, как в свое время у Сергея Тимофеевича.

Хозяйничал Григорий аккуратно и бережливо. Он не унаследовал литературного дара отца, но был личностью замечательной: самарский и оренбургский губернатор, дослужился до тайного советника, свыше девяти лет самарский губернский предводитель дворянства, в 1870-е во время голода в Самарской губернии организовал раздачу хлеба. Когда он в 1891 г. умер, его гроб окрестные крестьяне несли 20 верст на руках (от железной дороги до Языкова, где он был похоронен). Он являлся реальным воплощением того земского человека, о котором мечтал его брат Константин.

Но при всех своих достоинствах Григорий не мог уберечь семейство отца от серьезных финансовых трудностей: имения, приносившие до отмены крепостного права до пятнадцати тысяч, после реформы давали только половину.

Иван, живший в Москве, сразу ощутил исторический слом времени, и в газете «День», издаваемой с осени 1861 г., развивал идею самоупразднения дворянства как господствующего сословия, писал о его финансовом банкротстве, а в письмах — особенно находившемуся в Самаре Самарину — об изменении московской общественной атмосферы (общество «просто разрушается, исчезает, тает, как снег весною»[49]), о росте «из-под земли» какой-то «новой Рос-

сии»[50] — буржуазной, которую Иван хорошо знал и по своей ярославской командировке, и во время сбора материалов по украинским ярмаркам и которая угнетала его отсутствием умственных интересов, ибо купцам нет дела до книг, литературы, прессы, в голове только «интересы экономические — банки, дороги, акции, облигации...»[51].

Он затевал газету в надежде получить материальное подспорье. Финансовый успех был ему необходим — других средств к существованию, кроме доходов от собственной интеллектуальной деятельности, он не имел.

Но его денежные дела от издательства расстроились совершенно: доход от «Дня» составлял 17 тысяч рублей, а расход превосходил эту сумму, газету он выпускал себе в убыток, накопил значительный долг.

Расставание в 1865 г. с «Днем» станет для него одновременно и желанным и болезненным — отдав изданию четыре года жизни, не просто поставить точку и «свернуть знамя».

Необходимость закрытия «Дня» диктовалась, кроме того, и обстоятельствами личного характера — женитьбой на старшей дочери поэта Ф.И. Тютчева Анне. До свадьбы необходимо было произвести раздел с Григорием, который для этого в декабре 1865 г. прибыл в Москву. До раздела доходы делились между братьями поровну, Иван из этих денег, по собственному признанию, не брал «ни копейки», все отдавая семье.

Теперь братья договорились, что Вишенки остаются за Иваном, а Надёжино Белебеевского уезда Оренбургской губернии переходит к Григорию. Иван брал на себя обязательство выплачивать сестрам проценты. Оставалась на крайний случай возможность продать Вишенки и выплатить каждой из сестер по пятнадцать тысяч рублей (о чем, умирая, просил Сергей Тимофеевич).

Абрамцево переходило во владение сестер. После смерти писателя в 1859 г. в течение шести лет там не жил никто, и только лето 1864 г. Ольга Семеновна с дочерьми провела в родной деревне, а Иван наезжал к ним каждую неделю — «отдыхать и запасаться силами — на кладбище, потому что таков характер, таково впечатление Абрамцева»[52]. В целях экономии средств летом следующего 1865 г. Ольга Семеновна осталась в Москве (Иван с Софьей отправились в плавание по Волге, в Крым), а Абрамцево «отдали внаймы»[53].

Но Абрамцеву было суждено стать центром еще одной семьи — Иван после закрытия «Дня» и венчания (12 января 1866 г.) увез жену в имение; Ольгу Семеновну очень обрадовало это решение. Княгине Черкасской Иван писал, что с газетой разоряется, поэтому после свадьбы на год или два исчезает с московского горизонта в деревню «исправлять свои расстроенные хозяйственные дела»[54].

Невесте Иван так описывал ее будущее место жительства: дом выглядит как «сгорбившийся старик, покосившийся и с той и с другой стороны», «облезла снаружи краска», «нет ни одной комнаты, где бы пол не был покат к какому-нибудь боку»[55]. Снаружи его отремонтировать в зимнее время не было никакой возможности, но внутренний ремонт Иван сделал, и жизнь новой семьи началась там, где «витают тени отца и брата»[56], вообще дух прежней жизни.

И хотя Анне Федоровне здесь очень понравилось, и старый абрамцевский дом она, фрейлина, предпочитала всем дворцам, в которых прежде жила, но Ивана одолевали мысли о материальной неустроенности, скучна была жизнь без деятельности (чувствовал себя «стертым пятиалтынником»), и предложение московских купцов взяться за редактирование ежедневной газеты показалось ему привлекательным. Осенью 1866 г. семья Ивана покинула Абрамцево, и он с 1867 г. стал редактором газеты «Москва».

Сестры мечтали продать Абрамцево: «лесистая и вечно сырая сторона», по отзыву Ивана[57], была причиной нездоровья сестер, болеющих чахоткой (страдали не только члены семейства, но и слуги). Когда летом 1859 г. Аксаковы сняли дачу в Троекурове, сухом месте, «все ожили» – «Абрамцево они все считают местом вредным»[58]. В другом письме Ивана тому же адресату читаем: «Сестры не любят Абрамцева»[59].

В конце 1860-х годов братья похоронили двух сестер — Любовь и Надежду. Иван и раньше склонялся к мысли продать Вишенки, доходом от которых пользовались сестры, и выдать им их капитал[60].

В 1869 г. из незамужних сестер в живых осталась одна Софья. Она и продала в 1870 г. Абрамцево Савве Ивановичу Мамонтову за 15 тысяч рублей. Посредником был Ф. В. Чижов, который посоветовал Савве Ивановичу посмотреть имение, и оно ему понравилось. Переход дворянских усадеб в руки купцов – обычное явление после крестьянской эмансипации. Ефим, бывший камердинер Сергея Тимофеевича, остался жить в доме новых владельцев. Для Абрамцева опять наступила новая жизнь, но уже с другим семейством.

Примечания

[1] *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 151.

[2] *Трутовский К.А.* Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Русский художественный архив. 1892. Вып. II. С. 51.

[3] Письмо от 3.XII.1851 г. // *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 323.

[4] Из заметок В.С. Аксаковой о Гоголе // *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем. М., 1960. С. 217.

[5] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 28, 35.

[6] Там же. С.42.

[7] Там же. С. 44.

[8] Там же. С. 37, 41.

[9] Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. I. С. 120.

[10] Там же. С. 90, 121.

[11] Там же. С. 99, 140, 152.

[12] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 212.

[13] Там же. С. 585.

[14] Там же. С. 223.

[15] *Аксакова Вера.* Дневники. Письма. СПб, 2013. С. 66.

[16] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 556.

[17] *Аксакова Вера.* Дневники. Письма. СПб, 2013. С. 67. Ср. с письмом О.С. Аксаковой к И.С. Аксакову от 4.III.1844 г.: «...у нас беспрестанная смена лиц» (РО РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III). Карт. IV. № 7б. Л. 9 об.).

[18] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 530. С.Т. Аксаков недаром в письме к Ивану упомянул о тяжести пребывания невестки даже «при самых искренних отношениях» — он относился к С.А. Аксаковой сдержанно, но не вмешивался в семейную жизнь Григория, чтобы не нарушать его душевное спокойствие. Те из друзей семьи, которые были свидетелями визитов невестки, например, Хомяков, замечали, что она в семье мужа «просто живет баловнем» (Хомяковский сборник. Томск, 1998. Т. I. С. 120).

[19] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб, 1900. Кн. 14. С. 296; письмо В.С. Аксаковой от декабря 1855 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. № 141. Л. 15.

[20] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 336.

[21] *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1997. С. 142.

[22] Там же.

[23] Московский сборник. М., 1852. Т. I. С. 145–243.

[24] Письмо к В.А. Черкасскому от 20.III.1862 г. // РО РГБ. Ф. 265. К. 33. № 2. Л. 88 об.

[25] *Аксакова Вера.* Дневники. Письма. СПб, 2013. С. 112.

[26] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 365, 386, 442.

[27] Там же. С. 455.

[28] Там же. С. 587.

[29] Там же. С. 589.

[30] Для И.С. Аксакова это была нравственная невозможность. 6.X.1852 г. из Москвы он писал Н.А. Милютину о неприятном положении, в котором находится, оставив службу — приходится жить «на чужой счет, т.е. на счет своих крестьян» (ЦИА СПб. Ф. 869. Оп. 1. № 818. Л. 30). Весной 1854 г. он отправится по заданию Русского географического общества описывать украинские ярмарки.

[31] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 213.

[32] Письмо к Г.С. и С.А. Аксаковым от 17.VIII.1856 г. // РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 3. № 5. Л. 59 об.

[33] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 214.
[34] Там же.
[35] Там же. С. 205.
[36] *Трутовский К.А.* Воспоминания о Сергее Тимофеевиче Аксакове // Русский художественный архив. 1892. Вып. II. С. 51.
[37] *Аксакова Вера*. Дневники. Письма. СПб, 2013. С. 308.
[38] Там же. С. 312.
[39] Там же. С. 308.
[40] Там же. С. 326.
[41] Там же. С. 323. Этот долг Аксаковы смогут вернуть только осенью 1864 г. (см. письмо И.С. Аксакова к Е.А. Свербеевой от 11.X.1864 г. // РГАЛИ. Ф. 472. Оп. 1. № 620. Л. 7).
[42] *Аксакова Вера*. Дневники. Письма. СПб, 2013. С. 311.
[43] Там же. С. 337, 338, 346.
[44] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб, 2016. С. 85.
[45] Там же. С. 83–88. О полемике между адресатами см.: Там же. С. 12–20, 385–387, 392–398, 403.
[46] Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). М., 2002. С. 58.
[47] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб, 2016. С. 170.
[48] Письмо от 15.VII.1872 г. // РО РГБ. Ф. 327/II. К. 4. № 14. Л. 3.
[49] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб, 2016. С. 164.
[50] Там же. С. 161.
[51] Там же. С. 281.
[52] Там же. С. 199.
53 Письмо Е.А. Свербеевой к А.П. Елагиной от 4.VI.1865 г. // РО РГБ. Ф. 99. К. 9. № 90. Л. 8 об.
[54] Письмо от 4.X.1865 г. // Там же. Ф. 327/II. К. 4. № 13. Л. 1 об.
[55] Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Уфа, 2012. Вып. 4. Ч. 2. С. 203.
[56] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб, 2016. С. 233.
[57] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 307.
[58] Письмо И.С. Аксакова к Г.С. Аксакову от 12.VIII.<1859 г.> // ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 16. № 16. Л. 6.
[59] Письмо от 11.V.1865 г. // Там же. Л. 30 об.
[60] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб, 2016. С. 268.

Библиография

Горнов В.А. Александр Иванович Кошелёв... // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2004.

Елизаветина Г.Г. Н.В. Станкевич и его духовное наследие // Станкевич Н.В. Избранное. М., 1982.

Маливанов М.Ф. Письма К.С. Аксакова князю В.А. Черкасскому // Записки отдела рукописей РГБ. Вып. 50. М., 1995.

Notes

Aksakov I.S. (1988) *Pis'ma k rodnym. 1844–1849.* [Letters to Family Members]. 1844–1849. Moscow.

Aksakov I.S. (1994) *Pis'ma k rodnym. 1849–1856.* [Letters to Family Members]. 1849–1856. Moscow.

Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva. Vyp. 4. Ch. 2. [Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the Chronicle of Life and Work. Issue 4. Part 2]. (2012). Ufa.

Aksakova V. (2013) *Dnevniki. Pis'ma*. [Diaries. Letters]. Saint Petersburg.

Aksakov S.T. (1960) *Istoriya moego znakomstva s Gogolem*. [History of My Acquaintance with Gogol]. Moscow.

Barsukov N.P. (1900) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. Kn. 14.* [M.P. Pogodin's Life and Works. Book 14]. Saint Petersburg.

Chicherin B.N. (1997) *Moskva sorokovykh godov.* [The Moscow of the 40s]. Moscow. P. 142

Khomyakovskiy sbornik T. I. [Khomyakov's Collection. Vol. 1] (1988). Tomsk.

Moskovskiy sbornik. T. I. [Moscow Collection. Vol. 1] (1852). Moscow.

Panaev I.I. (1950) *Literaturnye vospominaniya*. [Literary Reminiscences]. Moscow.

Perepiska I.S. Aksakova i Yu.F. Samarina (1848–1876) [Correspondence of I.S. Aksakov and Yu.F. Samarin (1848-1876)]. (2016). Saint Petersburg.

RGALI [Russian State Archive of Literature and Arts]

RO RGB [Russian State Library, Manuscript Department]

Trutovskiy K.A. (1892) Vospominaniya o Sergee Timofeeviche Aksakove. [Reminiscences about Sergei Timofeevich Aksakov] In: *Russkiy khudozhestvennyy arkhiv. Vyp. II.*. [Russian Art Archive. Issue 2].

TsGIA SPb. [Central State History Archive of St. Petersburg]

Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). [Alexander Ivanovich Koshelev's Notes (1812-1883)] (2002). Moscow.

References

Elizavetina G.G. (1982) N.V. Stankevich i ego dukhovnoe nasledie. [N.V. Stankevich and His Spiritual Legacy] In: Stankevich N.V. *Izbrannoe*. [Selected Works]. Moscow.

Gornov V.A. (2004) Aleksandr Ivanovich Koshelev... [Alexander Ivanovich Koshelev ...] In *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi*. [Russian Liberalism: Ideas and People]. Moscow.

Malivanov M.F. (1995) Pis'ma K.S. Aksakova knyazyu V.A. Cherkasskomu. [K.S. Aksakov's Letters to Prince V.A. Cherkassky]. In: *Zapiski otdela rukopisey RGB. Vyp. 50.* [Notes of the Manuscript Department of the Russian State Library. Issue 50]. Moscow.

Поступила в редакцию
28.06.2017